

ФОЛЬКЛОР В СЕМЕЙНОМ БЫТУ ДОСТОЕВСКИХ

В романе «Униженные и оскорбленные» рассказчик, литератор Иван Петрович, элегически вспоминает «золотое, прекрасное время» детства. Именно таким оно запомнилось этому автобиографичному персонажу Достоевского во многом благодаря «нянинным сказкам» (3; 178). У многих других героев писателя светлые воспоминания о детстве связаны с фольклорными впечатлениями (Варенька Доброселова в «Бедных людях». Неточка в повести «Неточка Незванова», герой неосуществленного романа «Житие великого грешника» и др.). В. С. Нечаева писала об этом: «Нет сомнения, что в длинном рассказе Вареньки, в воспоминаниях Ивана Петровича в “Униженных и оскорбленных”, в предисловии к “Маленькому герою” изображены детские впечатления самого Достоевского, его летнее пребывание в отцовском имении – сельце Даровом, Тульской губернии, Каширского уезда».¹ Писатель всегда с теплотой вспоминал о своем детстве. Он пишет брату Андрею Михайловичу 6 июня 1862 г.: «Я раз уж шесть в эти два года был в Москве, и мне весело было припомнить нашу старину, наше детство» (28₂; 25). В июльско-августовском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. Достоевский, упоминая о своей поездке в Даровое, говорит, что «это маленькое и незамечательное место оставило во мне самое глубокое и сильное впечатление на всю потом жизнь и где всё полно для меня самыми дорогими воспоминаниями» (25; 172). Изучить бытовые контакты писателя с фольклором представляется необходимым прежде всего потому, что это позволит понять первоначальные истоки интереса Достоевского к народному художественному слову, а через него – к основам народного сознания.

В переписке Ф. М. и А. Г. Достоевских постоянно встречаются «отфольклорные» обращения типа «ясный свет мой», «свет

мой», «мой милый светик» и т. п.² Уже это заставляет предполагать обычность в семейном бытовом общении фольклорных речений. Анна Григорьевна считает заслуживающим внимания мужа сообщение о той интерпретации, которую дает старорусская прислуга Александра ее дурным снам, считая их причиной проделки домового (II, 294). В свою очередь, по словам А. Г. Достоевской, ее будущий супруг признавался: «Я придаю снам большое значение. Мои сны всегда бывают вещими. Когда я вижу во сне покойного брата Мишу, а особенно когда мне снится отец, я знаю, что мне грозит беда».³ Жена сообщает Достоевскому в Эмс о народном гулянии в Старой Руссе, на котором были «с детишками» и «очень остались довольны» (II, 279, 287). Со своей стороны, во время отъезда жены в Петербург по делам издания «Дневника писателя» Достоевский не преминул сообщить, что 10 августа они с сыном отправились на народное гуляние, где «было много народу» и «пели военные песельники. Федя очень слушал» (30₁; 206). Подобное времяпрепровождение, вероятно, было в привычках семьи: не случайно живущий за границей писатель ставится в известность о том, что «вчера дети прыгали через траву, как здесь в обычае накануне Иванова дня» (II, 205).

Чрезвычайно заботившийся о духовном и нравственном воспитании своих детей, Достоевский отнюдь не случайно включает в круг вечернего домашнего чтения русские былины. Об этом вспоминает дочь писателя, отмечая, что отец «сам восторгался чудными легендами нашего народа».⁴ Это сообщение подтверждает метранпаж М. А. Александров, припоминая, как «однажды Федор Михайлович рассказал, что он иногда забавляет свою маленькую дочь чтением библейских рассказов и русских былин и как она хорошо понимает их...»⁵ Более того, писатель живо интересуется фольклорным

репертуаром дочери и сына. Этот репертуар очень пестр: здесь и колыбельная, перенятая Федей от матери или няни (П, 167), на присылку которой Достоевский откликается: «Федина песенка премиленькая» (29₂; 35). Здесь и «взрослые» песни частушечного склада, которым научилась Лиля (так звали по-домашнему дочь Любу) от девочки Маши, прислуги хозяйки дома в Старой Руссе (П, 185 – 186). Тексты этих песен Анна Григорьевна усердно пересылает мужу в Эмс по его настоятельным просьбам: «Непрременно заведи такую книжечку и слова их записывай» (29₂; 48); «Песни личичкины записывай особо в книжку, пожалуйста (это очень важно и нужно)» (29₂; 53); «За известия о детях благодарю: ради бога, записывай их словечки и песенки в особую книжку; слишком прошу» (29₂; 56). Не ленится жена писателя переписать и послать Достоевскому довольно длинную (в 40 строк) историческую солдатскую песню времен Крымской войны, сопроводив этот подарок комментарием: «Лилия очень просила послать тебе эту песенку, которую она мне сейчас сама продиктовала, а Федя ее поправлял» (П, 190). Сама Анна Григорьевна, видимо, обладала богатым песенным репертуаром. Об этом, в частности, свидетельствует запись в ее дневнике во время совместного пребывания с мужем в Дрездене: «Потом я принялась шить и петь. Я пела самые различные песни, так что Федя удивлялся, откуда у меня что берется». Мы не можем судить по этой записи о характере репертуара А. Г. Достоевской, однако, не исключено, что в нем были и русские народные песни. Во всяком случае, готовясь к первому материнству, жена писателя «укачивала Соню или Мишу различными колыбельными песнями».⁶

Такой единодушный интерес к фольклору не столько как к забаве, а как к определенной эстетической ценности, был органической чертой домашней атмосферы, поддерживаемой, конечно, в первую очередь главой семьи. Он придает серьезное значение сказке, сочиненной трехлетним сыном, о чем оставляет запись дневникового

характера (27, 111). Поощряет общение детей с простыми людьми и сам навещает тех из них, которые были прикосновенны к воспитанию детей. Так, сообщая жене в Старую Руссу из Петербурга о посещении няни своих детей, Достоевский пишет: «...Потом заезжал к Прохоровне <...> Скажи детям, что Прохоровна им кланяется и любит их, а об Феде над его карточкой плачет. У ней и Федя, и Лилия висят на стене» (29₂; 15). Пеняя жене, что та совсем не развлекается без него, Достоевский из-за границы сетует об упущенной ею возможности послушать в Старой Руссе хор Д. А. Агренева-Славянского, исполнявший русские и славянские песни (29₂; 119). Попутно отметим, что в книге А. А. Гозенпуда «Достоевский и музыкально-театральное искусство» (Л., 1981) сведения о знакомстве писателя с этим хором, гастролировавшем по всему миру, почему-то отсутствуют.

Несмотря на обилие контактов с фольклором в семейном быту писателя, необходимо отметить всё же, что фольклорные элементы не растворялись естественным образом в быту, как это было в народной среде, а выделялись, как особый культурный феномен, благодаря повышенному интересу к себе.

Реконструкция фольклорного быта семьи писателя позволяет утверждать, что сам Достоевский вынес интерес к фольклору из собственного детства. Можно говорить о стойкости традиций обостренного внимания к народному творчеству, преемственно передаваемых в демократической среде интеллигенции, к которой принадлежал отец писателя и многие родственники со стороны матери. По праздникам и на масленицу детей штаб-лекаря Мариинской больницы для бедных водил «в балаганы», «к Петрушкам» двоюродный дед профессор-медик Московского университета В. М. Котельницкий. Раннее знакомство с народным театром давало сильные эстетические впечатления, и дети, по словам младшего брата писателя, «долгое время, подражая комедиантам, представляли по-своему различные комедии».⁷ Особый фольклорный тон в быт семьи будущего

писателя вносили няни и кормилицы.

Совершенно исключительное значение принадлежит здесь московской мещанке Алене Фроловне, талантливой рассказчице сказок и быличек, которую брат писателя в своих воспоминаниях называет «замечательной личностью».⁸ Само присутствие ее в доме создавало поэтическую и вместе с тем, по причине телесной полноты Алены Фроловны, юмористическую атмосферу. Об этом можно судить по переписке родителей писателя, где она называется «Геркулесом-доброходом», «сорокопудовой гирей», становится предметом шуток по поводу ее «чачотки» (так Алена Фроловна называла свои временные похудания) или по поводу домового, который ее «душил» во сне (следствие плотного ужина).⁹ Имя Алены Фроловны встречается на страницах некоторых художественных произведений, в записных тетрадях Достоевского, где она упоминается с нескрываемой нежностью: «Нянюшка Алена Фроловна» (24; 158). Более того, ее личность была для писателя опорой в отстаивании заветных идей. Так, в апрельском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г., отвечая на мнения, что освобожденный народ может дать только кулаков да мироедов, Достоевский вспоминает эпизод из своего детства, когда было получено известие о пожаре в недавно купленном имении весной 1832 г., на пасху: «С первого страху вообразили, что полное разорение. Бросились на колена и стали молиться, мать плакала. И вдруг подходит к ней наша няня, Алена Фроловна, служившая у нас по найму, вольная то есть, из московских мещанок. Всех она нас, детей, взрастила и выходила. Была она тогда лет сорока пяти, характера ясного, веселого, и всегда нам рассказывала такие славные сказки! Жалованья она не брала у нас уже много лет: “Не надо мне”, и накопилось ее жалованья рублей пятьсот, и лежали они в ломбарде, – “на старость пригодится” – и вот она вдруг шепчет маме:

– Коли надо вам будет денег, так уж возьмите мои, а мне что, мне не надо...

Денег у ней не взяли, обошлись и без того.

Но вот вопрос: к какому типу принадлежала эта скромная женщина, давно уже теперь умершая, и умершая в богадельне, где ей очень ее деньги понадобились <...> Знает же народ Христа бога своего, может быть, еще лучше нашего, хоть и не учился в школе» (22; 112, 113).

Деревенские кормилицы, когда отпадала нужда в их услугах, не теряли связь с домом. Их визиты становились настоящими праздниками для детей, потому что сопровождалось рассказыванием сказок. Как можно понять из воспоминаний Андрея Михайловича, фольклорные впечатления составляли поэзию детства: «Это удовольствие продолжается часа по три, по четыре, рассказы передавались почти шепотом, чтобы не мешать родителям. Тишина такая, что слышен скрип отцовского пера. И каких только сказок мы не слыхивали, и названий теперь всех не припомню; тут были и про “Жар-птицу”, и про “Алешу Поповича”, и про “Синюю бороду”, и про многое другое. Помню только, что некоторые сказки казались для нас очень страшными».¹⁰ Выработывался эстетический вкус и способность критически относиться к сказочницам, когда замечали, «что Варина кормилица, хотя и больше знает сказок, но рассказывает их хуже, чем Андрюшина...»¹¹ Частым гостем в доме был эконом Мариинской больницы Ф. А. Маркус, любитель рассказывать анекдоты, о котором упоминает Достоевский в подготовительных материалах к «Подростку» (16; 184) и который стал прототипом образа анекдотчика Ипполита Матвеевича в дефинитивном тексте романа.

Дети были слушателями и зрителями песен, когда летом в Даровом по обычаю помещичьего быта «деревенские девушки и бабы... по праздникам певали у нас в деревенском дому (наверху), как говорили они».¹² Дети не всегда были пассивными созерцателями фольклорной культуры. На пасху в доме обычным занятием было «катание яиц», которое имеет, как известно, древние магические корни. К этой игре-ритуалу присоединялись и взрослые.¹³ В семейном быту присутствовали элементы

свадебной обрядности, участниками и исполнителями которой приходилось быть и детям, о чем свидетельствует описание А. М. Достоевским свадьбы сестры Варвары.¹⁴ Приобщение к фольклору шло и через книгу. «В доме не переводились» лубочные издания сказок о Бове-королевиче, Еруслане Лазаревиче и проч.¹⁵ Событием стало знакомство со сказкой П. П. Ершова «Конек-Горбунок», дети «выучили ее всю наизусть».¹⁶

Русский менталитет Достоевского выражался и в том, что он сам был носителем фольклора. Об этом неоднократно свидетельствует сам писатель и единодушно вспоминают многие мемуаристы. Сообщая А. Н. Майкову 18 мая 1868 г. о смерти дочери Сони, пораженный горем отец пишет: «Это маленькое, трехмесячное создание, такое бедное, такое крошечное – для меня было уже лицо и характер. Она начинала меня знать, любить и улыбалась, когда я подходил. Когда я своим смешным голосом пел ей песни, она любила их слушать» (28₂; 297). С. А. Ивановой Достоевский пишет 14 декабря 1869 г. о дочери Любе: «Девочка здоровая, веселая, развитая не по летам (то есть по месяцам), всё поет со мной, когда я ей запою, и всё смеется...» (29₁; 89). Сама Любовь Федоровна вспоминала: «На всю жизнь Достоевский сохранил привычку петь песни, которые ему нравились. Он пел их вполголоса, особенно, когда думал, что один в комнате».¹⁷ А. Г. Достоевская, вспоминая о первой поездке с мужем за границу, пишет, как он утешал ее, стремясь поднять настроение: «Федя говорил, что, верно, мне скучно, что мы живем очень уединенно, что нам непременно надо уехать, что я, вероятно, раскисаюсь, что вышла за него замуж, и прочие, и прочие глупости. При этом рассказал мне сказку о двух стариках, которые, не имея детей, печалились о том, что будет с ними, если их внуки помрут».¹⁸ Анна Григорьевна рассказывает в своем «Дневнике» о посещении немецкого собора, где гид «показала нам снимок с картины Holbein`a, изображающий “Танец смерти”, где представляется смерть, окруженная различными людьми. Федя сказал: «славны

бубны за горами», то есть что про эту картину так много говорили и кричали; но, может быть, снимок оказался не бог знает что».¹⁹ В «Воспоминаниях М. А. Ивановой», племянницы писателя, напечатанных в составе статьи В. С. Нечаевой, находим такое свидетельство об излюбленном времяпрепровождении молодежи в Люблино под Москвой, где Достоевский летом снимал дачу неподалеку от дачи семьи своей сестры В. М. Ивановой: «У Ивановых любили играть в пословицы. Федору Михайловичу обыкновенно давали самое трудное слово. Он рассказывал в ответ на вопрос длинную историю, страницы в две, три, и угадать слово было невозможно. Часто он рассказывал по вечерам жуткие истории или предлагал присутствующим проделать такой опыт: просидеть в пустой комнате перед зеркалом минут пять, смотря не отрываясь себе в глаза. По его словам, это очень страшно и почти невозможно выполнить».²⁰ (Последнее – один из способов русских святочных гаданий.) В трудную пору жизни приобщенность Достоевского к народному искусству помогала переносить лишения. По воспоминаниям сотоварища Достоевского по Омской каторге Ш. Токаревича, писатель был режиссером-постановщиком пьес из репертуара народного театра.²¹

Основываясь на своем личном опыте приобщения к народному искусству, Достоевский не раз высказывал мысль о благотворности для молодого человека такого приобщения. Так, выражая несомненно эту мысль писателя, Алеша Карамазов отвечает Коле Красоткину, конфузившемуся «клеветой», что он «на прошлой неделе с приготовительными в разбойники играл»: «– А вы рассуждайте так, – улынулся Алеша, – в театр, например, ездят же взрослые, а в театре тоже с разбойниками и с войной – так разве это не то же самое, в своем, разумеется, роде? А игра в войну у молодых людей, в рекреационное время, или там в разбойники, – это ведь тоже зарождающееся искусство, зарождающаяся потребность искусства в юной душе, и эти игры иногда даже сочиняются складнее, чем представления на

театре, только в том разница, что в театр ездят смотреть актеров, а тут молодежь сами актеры. Но это только естественно» (14; 484). Сам Достоевский в подглавке II «На каком языке говорить отцу отечества?» главы третьей июльско-августовского выпуска «Дневника писателя» за 1876 г. пишет о русском фольклоре как источнике приобщения ребенка к родному языку и национальному духу: «...надо непременно еще с детства перенимать его от русских нянек, по примеру Арины Родионовны, не боясь того, что она сообщит ребенку разные предрассудки <...> сверх того, не бояться простонародья и даже слуг, от которых предостерегают родителей иные деятели. Затем уже в школе непременно заучивать наизусть памятники нашего слова, с наших древних времен – из летописей, из былин и даже с церковнославянского языка, – и именно наизусть, невзирая даже на ретроградство заучивания наизусть» (23; 81).

Осмысляя эти слова Достоевского, не будем забывать, что первые фольклорные впечатления будущий великий писатель получил в сельце Даровом.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Нечаева В. С.* Из литературы о Достоевском: Поездка в Даровое // *Новый мир.* 1926. № 3. С. 129.
² См.: *Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г.* Переписка. М., 1979. С. 11, 267

(В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с обозначением буквой П и через запятую – страниц).

- ³ *Достоевская А. Г.* Воспоминания. М., 1981. С. 87.
⁴ Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской. М.; Пг., 1922. С. 89.
⁵ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1990. Т.2. С. 294.
⁶ *Достоевская А. Г.* Дневник 1867 года. М., 1993. С. 84, 277.
⁷ *Достоевский А. М.* Воспоминания. Л., 1930. С. 38, 49.
⁸ Там же. С. 24.
⁹ См.: *Нечаева В. С.* В семье и усадьбе Достоевских (Письма М. А. и М. Ф. Достоевских). М., 1939. С. 80, 86, 89 – 91; *Достоевский А. М.* Воспоминания. С. 27, 365 – 366. См. также письмо к матери от 9 мая 1835 г., подписанное Федором и Андреем (281, 32).
¹⁰ *Достоевский А. М.* Воспоминания. С. 44 – 45.
¹¹ Там же. С. 45.
¹² Там же. С. 82.
¹³ Там же. С. 47.
¹⁴ Там же. С. 116.
¹⁵ Там же. С. 45.
¹⁶ Там же. С. 71.
¹⁷ Л. Ф. Достоевская об отце (Впервые переведенные главы воспоминаний) // Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исслед. / Лит. наследство. М., 1973. Т. 86. С. 303.
¹⁸ *Достоевская А. Г.* Дневник. 1867. М., 1923. С. 35.
¹⁹ Там же. С. 364.
²⁰ *Нечаева В. С.* Из литературы о Достоевском... С. 139.
²¹ *Токаржевский Ш.* Достоевский в Омской каторге // *Звенья.* М.; Л., 1936. Т. VI. С. 506.